

АНОНС

И ЖИТЬ, И ТВОРИТЬ

В Центре городской культуры готовится к открытию выставка, посвящённая Варламу Шаламову

Выставка «Жить или писать. Варлам Шаламов» — из разряда легендарных: созданная в 2013 году в Берлине, она уже проехала по городам Германии, побывала в Италии, Люксембурге, Украине и Белоруссии. 24 февраля 2016 года экспозиция открылась в помещении Общества «Мемориал» в Москве, где работала до начала февраля 2017 года, а после этого сразу начала переезд в Пермь. Это неудивительно: ведь именно в наших краях отбыл свой первый срок Варлам Шаламов, выдающийся русский писатель XX века.

Центр городской культуры совместно с Пермским «Мемориалом» планируют открытие выставки на конец марта.

Авторы выставки, немецкие кураторы Кристина Линкс и Вильфрид Шеллер, работали несколько лет в тесном сотрудничестве с российскими музеями и архивами. Были собраны уникальные материалы — официальные и личные документы, письма, фотографии. Рукописи Шаламова, фотографии и другие источники, повествующие о событиях его жизни, предстают в окружении материалов, воссоздающих пространство лагерного опыта писателя.

Варлам Шаламов — автор наиболее сильного литературного свидетельства о лагерях сталинского ГУЛАГа. Его «Колымские рассказы» вписываются в ряд самых известных произведений, ставших гуманистическим откликом на события XX века, знаменовавшие крушение ценностей цивилизации. Шаламов считал сталинские и гитлеровские лагеря явлениями одного порядка. Их нельзя отождествлять, но необходимо сравнивать и обозна-

чать перспективу такого сравнения.

Название выставки не случайно перекликается с названием книги «Писать или жить» Хорхе Семпруна, который был сторонником однозначного и решительного осуждения сталинизма вслед за осуждением национал-социализма и фашизма. По его словам, только такая «двойная память», осмысливающая сущность обеих диктатур, была бы способна сплотить Европу, пережившую ужасы двадцатого столетия. Проект «Жить или писать. Варлам Шаламов» в значительной степени является откликом на этот призыв.

Что побудило двух немецких кураторов взяться за разработку экспозиции, посвящённой русскому писателю?

— «Колымские рассказы» Шаламова вписываются в ряд самых значительных произведений мировой литературы, рассказывающих о сталинских и нацистских лагерях, о разрушении гуманизма, о власти зла, — говорит Кристина Линкс. — В Германии было несколько попыток опубликовать произведения Шаламова в немецком переводе — первый сборник вышел ещё в 1967 году, но только теперь, с началом выхода его собрания сочинений в Берлинском издательстве «Маттесунд Зайц» имя Шаламова становится известным более широкому кругу читателей. Мы решили помочь этому процессу и рассказать о его жизни и творчестве в форме литературной выставки.

Шаламов входит в круг писателей, которых сближала, независимо от системы и национальных границ, одна совместная цель: литературная фиксация преступлений против человека. Поэтому мы утверждаем, что Варлам Ша-

ламов не только является русским писателем, но одновременно принадлежит определённому направлению западноевропейской литературы. Есть нечто красивое и утешающее в этой мысли: все эти писатели — родственные души, хотя каждый из них должен был найти свою собственную тропу «по снегу», в соответствии с шаламовской метафорой. Но цель у них общая. Они заложили основы единой культуры памяти, которая не подчиняется никакой пропаганде.

По словам Кристины Линкс, любая попытка представить подлинную картину существования людей в лагерях ГУЛАГа сталкивается с одной трудностью: практически нет фотографий, которые бы честно свидетельствовали об этом. Для лагерной администрации на первом плане стояло промышленное производство, а не отдельный человек. Побои, голод, расстрелы, тела умерших, потерянности в мире ледящего холода — всё это сознательно не было запечатлено ни одним

фотографом (в отличие от реальных нацистских концлагерей, зафиксированных их освободителями). И всё-таки свидетельства остались. На выставке есть альбом, смонтированный из отчётных фотоматериалов НКВД, сопоставленных с отрывками из «Колымских рассказов». Таким образом, разница между пропагандой и реальностью со всей очевидностью выходит наружу.

Авторы выставки не только ставили себе цель рассказать обо всех этапах жизненного пути Шаламова, но и хотели, чтобы заговорила сама его проза, чтобы передалось особое пространственное чувство узников ГУЛАГа. Северные просторы, бездорожье в снегу, где всякая попытка убежать становится бессмысленной, чувство потерянности, холод, одиночество — всё это нашлось в исторических снимках и работах известного польского фотографа Томаша Кизны, сделанных в начале 1990-х годов.

Юлия Баталина

В НОМЕРЕ

Алексей Каменских:
«Куда ни ткни — везде больно...»

«Удивительно, как легко память наших сограждан актуализируется! Как легко срывает память о том, что о важных вещах надо молчать, что о политике говорить можно только на кухне, и прочее, прочее... Тот страх, который культивировался поколениями, на протяжении многих десятилетий, работает уже на уровне рефлексов, а рефлекс запускается буквально несколькими вербальными конструкциями. Достаточно публично сказать что-то вроде «национал-предатели», «пятая колонна», запустить в общественный дискурс через СМИ фразы, штампы, формулировки времён 1930-х годов, как чуткое ухо современного россиянина запускает тот комплекс поведенческих приёмов, который позволял выживать советскому человеку».

Интервью с философом, изучающим феномен исторической памяти.

Стр. 1

Человек в кожаном фартуке

В первую же ночь команда под руководством Блохина расстреляла 343 человека. В последующие дни Блохин распорядился доставлять ему для расстрела партии не более 250 человек. Весной 1940-го под руководством и при непосредственном участии Блохина в Калининском было расстреляно 6311 военнопленных поляков. Можно предположить, что подобной «ударной» акцией он удвоил свой предыдущий личный счёт расстрелянных.

Одного из главных сталинских палачей похоронили там же, где покоится прах большинства его жертв, — на Донском кладбище.

Стр. 3

Вам помогают альтернативщики

В 2016 году пермский «Мемориал», работая по проекту «Право на альтернативу», подержанному «президентским» грантом, проконсультировал бесплатно десятки молодых людей призывного возраста со всего Пермского края.

Руководитель общественной приёмной Пермского «Мемориала» Ирина Кизилова рассказывает о том, как реализовать право на альтернативную гражданскую службу.

Стр. 4

«Кто-то же должен...»

«Люди, с которыми она смогла пообщаться в Култаево, хорошо отзывались о прадеде. Говорили, что сам мог не доедать, но соседям всегда помогал».

Библиотекарь из Очёрского района ищет следы своих предков.

Стр. 4

СОБЕСЕДНИК

АЛЕКСЕЙ КАМЕНСКИХ: «КУДА НИ ТКНИ — ВЕЗДЕ БОЛЬНО...»

О памяти и патриотизме рассуждает философ, учёный и преподаватель

— Вы — кандидат философских наук. Занимались всю жизнь историей античной философии. Как с этим сочетается активная работа в Пермском «Мемориале», победная борьба со сталинскими билбордами и вообще

актуальная тематика, весьма далёкая от античности?

— На протяжении последних лет семи-восьми я занимаюсь философией истории в целом, политикой памяти, практиками мемориализации¹, проблемами мемориальной культуры. При-

касаясь к этим темам, невозможно остаться безучастным к исторической памяти собственного народа, собственного поколения. Ещё в 2009-2013 годах мы с моими друзьями и коллегами из Одесского национального университета орга-

низовали серию международных семинаров по философии памяти и философии истории под названием «Эсхатос. Философия истории перед лицом конца истории».

Продолжение на стр. 2

¹ Коммеморация — сохранение в общественном сознании памяти о значимых событиях прошлого. — Прим. ред.

АЛЕКСЕЙ КАМЕНСКИХ: «КУДА НИ ТКНИ – ВЕЗДЕ БОЛЬНО...»

Продолжение. Начало на стр. 1

Речь шла, конечно, не об апокалиптике и конце света, а о концепте завершения истории преимущественно в западной культуре — греческой, византийской, западноевропейской, русской.

А потом, особенно после 2014 года и крымских событий, проблемы политики памяти и политики истории стали ещё более острыми и сложными, и пришлось перенести своё внимание туда.

— Приходится ли сталкиваться с незнанием студентами темы репрессий?

— Само собой. Когда с этим сталкиваешься впервые, переживаешь некий шок, во многом аналогичный тому шоку, что мы испытали в своё время, когда на улицах Перми появились баннеры с изображением Сталина: «Как это вообще возможно? Это же знает любой нормальный человек!»

Я впервые столкнулся с этим, как ни странно, на историческом факультете госуниверситета, когда читал серию установочных лекций для студентов специальности «государственное и муниципальное управление». Я тогда вскользь упомянул тему репрессий, и увидел, что большая часть студентов моргает растерянно глазами, не понимая, что это такое, а потом одна из девочек сказала: «А! Да! 37-й год! Там были какие-то недовольные, их надо было уничтожить, ну, так их и уничтожили!»

— И как вы поступили?

— Мне пришлось рассказать о терроре, привести цифры... Я не могу сказать, что на тот момент был готов каким-то образом развёрнуто ответить — это было неожиданно.

Была ещё ситуация в 2013 году, когда я готовил группу студентов к поездке во Флоренцию для участия в международном студенческом семинаре. Мы готовили презентацию Пермского края, и там была упомянута тема сталинских репрессий, говорилось об Усолье, о музее «Пермь-36». Одна девочка, очень толковая, с экономического факультета пермской «Вышки», сказала примерно следующее: «Алексей Александрович, а зачем вообще мы должны этих людей помнить? Они жили давно, они умерли. Ну, так они бы и так умерли!»

Позднее, когда я стал заниматься этим вопросом более серьёзно, я стал читать в классическом университете курс «Историческое измерение гуманитарной культуры» — это методология истории, но там есть и проблемы мемориальной культуры, проблемы политики памяти, которые в рамках этих занятий мы достаточно серьёзно и детально со студентами обсуждаем, и достаточно часто приходится наблюдать своего рода отчуждение от прошлого, которое мотивируется тем, что нельзя заикливаться на прошлом, тем более, если там, сзади, за нашими спинами — катастрофа; нельзя постоянно думать о жертвах, о погибших, страдать их страданиями, потому что в этом случае жизнь теряет смысл и радость: «Я не знаю, как стро-

ить своё будущее»... И так далее. Это говорят достаточно умные студенты, достаточно подготовленные. Говорят, что нельзя строить своё видение мира и жизни на факте травмы, которая была в прошлом, в истории твоей страны и твоего народа.

Не так давно я обнаружил обсуждение совершенно аналогичной проблематики в работе Алейды Ассман «Новое недовольство мемориальной культурой». Книга написана преимущественно на немецком материале, но говорит о том же самом, о чём говорят мои пермские студенты. В какой-то мере это совершенно естественная реакция человека: почему вообще я должен это помнить, почему вообще я должен это знать?

— И как с этим бороться?

— Приходится говорить о предельно простых вещах, о том, что история очень жестока к тем, кто не помнит прошлого, она имеет свойство повторяться... Приходится указывать, к сожалению, на какие-то современные вещи, которые типологически чрезвычайно близки к тем политическим процессам, трендам, которые легко можно увидеть, скажем, в конце 1920-х — начале 1930-х годов в Советском Союзе, когда революционный романтизм постепенно сменялся практиками террора.

Удивительно, как легко память наших сограждан актуализируется! Как легко срабатывает память о том, что о важных вещах надо молчать, что о политике говорить можно только на кухне, и прочее, прочее, прочее... Тот страх, который культивировался поколениями, на протяжении многих десятилетий, работает уже на уровне рефлексов, а рефлекс запускается буквально несколькими вербальными конструкциями. Достаточно публично сказать что-то вроде «национал-предатели», «пятая колонна», запустить в общественный дискурс через СМИ фразы-штампы, формулировки времён 1930-х годов, как чуткое ухо современного россиянина запускает тот комплекс поведенческих приёмов, который позволял выживать советскому человеку.

— Оправдание репрессий в студенческой среде вызвано внутренними психологическими установками или какими-то перекосами в воспитании, массовой пропагандой и так далее?

— Мне очень редко приходится сталкиваться с прямым оправданием репрессий в студенческой среде, слава Богу. К счастью, всё не зашло так далеко. Гораздо чаще я сталкиваюсь с равнодушием: «репрессии — это то, что было когда-то и меня никак не касается». Ещё в 1992 году замечательная американская исследовательница из Колумбийского университета Марианна Хирш ввела понятие «пост-память»: люди, пережившие травмы XX века, постепенно умирают, их поколение уходит. Можно ли, нужно ли, и, если нужно и можно, то какими средствами сделать

так, чтобы память о произошедшей катастрофе стала частью самосознания представителей новых поколений?

— Ну, для прямых потомков, мне кажется, проблем нет — память передаётся через семейные традиции.

— Не всегда. Сплошь и рядом помнить о репрессированных родственниках было опасно. Их старались забыть, не поддерживать связей. Одно из самых страшных последствий сталинизма — это уничтожение памяти, распад семейных связей, атомизация общества. Это делалось сознательно: человек, лишённый связей, оказывался одинок перед лицом государственной репрессивной машины.

— Что же противопоставить последствиям «атомизации общества», рефлексивному страху перед обсуждением серьёзных тем и прочим отдалённым последствиям сталинизма?

— Об этом надо говорить, надо писать. Проводить уроки в школах, в вузах, устраивать акции вроде «Последнего адреса» и «Возвращения имён». Заниматься тем, чем занимается моя коллега Анна Кимерлинг, которая учит студентов анкетированию своих старших родственников, и оказывается, что многие впервые учатся по-человечески говорить со своими бабушками и дедушками, узнавать об их юности. Это огромная, очень важная работа по восстановлению семейных отношений, семейной памяти, установлению настоящих человеческих связей с памятью тех, кто ещё жив.

Не менее важно и другое: помочь пережить сопричастность судьбам людей, которые жили в этом же городе, ходили по тем же улицам, многие из которых были такими же студентами. А потом оказались оболганы, уничтожены и забыты. Это сопереживание может стать, и становится подчас основанием для понимания ответственности, которую мы несём перед ними — ответственности сопричастности и памяти.

Когда мы обращаемся к пост-памяти, возникают гигантские вопросы, которые в России, к сожалению, пока не решены. То, чем занимается Пермский «Мемориал», когда он работает с подростками, возит их по тем местам, где были лагеря ГУЛАГа, — это огромная работа, но она должна проводиться в масштабе всей страны, не только инициативами общественной организации, а государством. И вовсе не для того, чтобы «память людей укоренилась во временах катастрофы и они не видели будущего», как раз наоборот: для того, чтобы появился новый тип исторического сознания, который нам очень нужен.

Тот тип исторического сознания, который существовал в Советском Союзе и который пытаются продолжать культивировать в наше время, — это историческое сознание, которое было характерно ещё для начала XX века и которое

можно назвать «монументальной мемориальной культурой». Вспомните памятники погибшим в Великой Отечественной войне, которые установлены по всем городам Советского Союза и стран соцлагеря — гигантские мемориальные комплексы вроде сталинградского, берлинского и т.д. — это гигантские бетонные фигуры, огромные монументы, перед которыми отдельный человек просто теряется. Они призваны подчеркнуть, с одной стороны, масштаб произошедшей трагедии, а с другой — величие подвига народа. Человеческий, персональный масштаб трагедии, человеческое измерение памяти здесь исчезает — не только из памяти о войне, но и вообще из исторического нарратива. Поэтому те усилия, которые направлены на разработку иного, человеческого измерения памяти, истории, совершенно необходимы.

Ещё один значимый момент, который характеризует наш формат исторической памяти — это наши представления о том, что историю надо изучать для того, чтобы гордиться прошлым своей страны. Сейчас зачастую оказывается, что главная функция курса истории в школе, в вузе, где угодно — это даже не развитие патриотизма, а военно-патриотическое воспитание. В таком случае, ради чего изучается история? Ради того, чтобы сделать современных молодых людей готовыми всегда, в любой момент взять в руки оружие и умереть.

— Вообще, в современном обществе, особенно среди молодёжи, патриотизм понимается совершенно неправильно. Считается, что если ты видишь недостатки в жизни России — ты не патриот, ты не любишь свою Родину! А на самом деле, патриот — это тот, кто любит свою родину, видит недостатки, воспринимает их болезненно и хочет исправить. Но это так трудно объяснить!

— Об этом я и говорю. Виталий Мингалёв, мой коллега по Высшей школе экономики, на протяжении многих лет при первой встрече со старшеклассниками-лицеистами проводит эксперимент: просит их выпи-

сать наиболее значимые, на их взгляд, события отечественной истории, а потом расставить по степени значимости. В списках оказываются только события военной истории плюс присвоение какого-нибудь очередного куска территории. Исключение — крещение Руси, ну, иногда кто-то что-то про Пушкина скажет. Остальное — даты сражений и побед. О чём это свидетельствует? О том, что та форма исторического сознания, которая развивается у нас сейчас, направлена на принципиальную недооценку жизни, нормальной человеческой жизни.

— И отсюда — все эти внутренние установки, которые выражаются фразой «Лес рубят — щепки летят!» Понятно, что раз идёт великая битва, то нельзя без жертв. Жертвы воспринимаются как что-то нормальное и даже будничное.

— Вот этим-то больно наше постсоветское историческое сознание. С этим приходится работать.

Мы с коллегами из Москвы, Одессы, Минска и Кракова сейчас разрабатываем проект российско-украинско-белорусско-польско-литовской летней студенческой школы в Вильнюсе под названием «Территория памяти и свободы». Мы надеемся провести её в августе. Её цель — попытка примирения национальных исторических памятей. В каждой из наших стран за последние десятилетия складываются исторические нарративы, по-разному трактующие больные места в истории каждой из наших стран. В Восточной Европе, где ни ткни в историческую память, — везде больно, везде травмы. Одна из целей проведения школы — создать проекты глав в школьных учебниках, посвящённых тому или иному эпизоду в истории. Ну, а в целом — способствовать тому, чтобы через проговаривание и слышание исторической правды — всегда сложной и зачастую болезненной — вместе со студентами идти к примирению исторических памятей, к новому будущему наших стран.

Юлия Баталина

СТРАНИЦЫ
ПРОШЛОГО

ЧЕЛОВЕК В КОЖАНОМ ФАРТУКЕ

Его похоронили там же, где покоится прах большинства его жертв, — на Донском кладбище

Имя бессменного палача сталинской эпохи Василия Михайловича Блохина сегодня на слуху. Его подписью скреплено огромное множество хранящихся в архиве Лубянки актов о приведении расстрельных приговоров в исполнение. Главный палач Лубянки лично расстрелял более десяти тысяч человек.

Одно из редких свидетельств оставил начальник УНКВД по Калининской области Дмитрий Токарев. Он рассказал о прибытии весной 1940-го в Калинин группы высокопоставленных работников НКВД во главе с Василием Блохиным для расстрела пленных поляков, содержащихся в Осташковском лагере. Когда всё было готово к началу первого расстрела, Блохин, как рассказал Токарев, зашёл за ним:

«Ну, пойдём...» Мы пошли, и тут я увидел весь этот ужас...

Блохин натянул свою специальную одежду: коричневую кожаную кепку, длинный кожаный коричневый фартук, кожаные коричневые перчатки с крагами выше локтей. На меня это произвело огромное впечатление — я увидел палача!»

В первую же ночь команда под руководством Блохина расстреляла 343 человека. В последующие дни Блохин распорядился доставлять ему для расстрела партии не более 250 человек. Весной 1940-го под руководством и при непосредственном участии Блохина в Калинин было расстреляно 6311 военнопленных поляков. Можно предположить, что подобной «ударной» акцией он удвоил свой предыдущий личный счёт расстрелянных.

Кем же был человек, чьей рукой вершился сталинский произвол?

Палач-орденоносец
Василий Блохин

Скупые строчки его автобиографии повествуют о том, что он родился в 1895 году в селе Гавриловское Суздальского района Ивановской области в семье крестьянина-бедняка. С 1905 года одновременно с учёбой работал пастухом, затем каменщиком, работал и в хозяйстве отца. 5 июня 1915 года зачислен рядовым в 82-й пехотный полк во Владимире, дослужился до младшего унтер-офицера. Со 2 июня 1917 года — старший унтер-офицер 218-го Горбатовского пехотного полка на германском фронте, был ранен, лечился в госпитале в Полоцке до 29 дека-

валась из сотрудников разных подразделений. В конце 1920-х — начале 1930-х годов здесь были сотрудники специального отделения при Коллегии ОГПУ, которое занималось охраной советских вождей и персонально Сталина, то есть совмещали дело охраны вождей с участием в регулярных расстрелах «врагов народа».

Нелегка была судьба палачей. В семьях их видели довольно редко, а когда те приходили после ночной «работы», то чаще всего были пьяны. Да и как не пить при таком злодейском занятии? Неудивительно, что умирали исполнители

хального суда Ульрих. Иногда баловал своим присутствием и сам «железный нарком» Ежов. При нём расстрельное действие обретало черты художественной постановки. Осенью 1937-го перед расстрелом своего приятеля в прошлом Яковлева Ежов поставил его рядом с собой — наблюдать за приведением приговора в исполнение. Яковлев, встав рядом с Ежовым, обратился к нему со следующими словами: «Николай Иванович! Вижу по твоим глазам, что ты меня жалеешь». Ежов ничего не ответил, но заметно смутился и тотчас же велел расстрелять Яковлева.

Руководство ценило Блохина. Он быстро рос в званиях: в 1935-м — капитан ГБ, в 1940-м — майор ГБ, в 1943-м — полковник ГБ, в 1944-м — комиссар ГБ, а в июле 1945-го получает звание генерал-майора. Был также щедро осыпан государственными наградами: орденом Ленина (1945), тремя орденами Красного Знамени (1940, 1944, 1949), орденами Отечественной войны I степени (1945), Трудового Красного Знамени (1943), Красной Звезды (1936), «Знак Почёта» (1937), а также двумя значками «Почётного чекиста» и золотыми часами. Был награждён и почётным оружием — маузером, хотя расстреливать предпочитал из немецкого «вальтера» (не так сильно нагревался).

Когда исполнилось 20 лет пребывания Блохина в должности коменданта, он был премирован легковым автомобилем «М-20» («Победа»). Обращает на себя внимание то, что Блохин и его подручные из «спецгруппы» обычно щедро награждались не после, а до проведения серьёзных расстрельных кампаний.

Сразу же после смерти Сталина и вторичного прихода Берии к руководству «органами» Блохин был отправлен на пенсию с объявлением благодарности за 34-летнюю «безупречную службу» в органах ОГПУ — НКВД — МГБ — МВД СССР.

Итак, в 1953-м Блохина торжественно проводили на заслуженный отдых. После смерти диктатора нужда в его услугах отпала. Но при новом, послесталинском руководстве стали казнить бывших подручных Берии и Абакумова. Их дела активно расследовались, и оказалось, на пенсии Блохину тоже нет покоя. Он зачастил на допросы в Генеральную прокуратуру. В ходе расследования дела Берии и его ближайших подручных понадобились поистине бесценные знания бывшего коменданта.

После увольнения Блохина была назначена пенсия в размере 3150 рублей, однако после лишения генеральского звания 23 ноября 1954 года выплата пенсии от КГБ была прекращена. Не ясно, успел ли он оформить себе обычную пенсию по старости. Согласно медицинскому заключению, Блохин страдал гипертонической болезнью третьей степени и умер 3 февраля 1955 от инфаркта миокарда.

По иронии судьбы, Блохина похоронили там же, где покоится прах большинства его жертв, — на Донском кладбище. Недавно на могиле Блохина появилось новое красивое надгробие с портретом. Не забывают!

Никита Петров,
историк, доктор философии

В 1937—1938 годах Блохин участвовал в самых громких расстрелах. Он командовал расстрелом маршала Тухачевского и высокопоставленных военных, приговорённых вместе с ним.

бря. Затем до октября 1918-го, оставаясь в стороне от политических бурь, он крестьянствовал в хозяйстве отца, а 25 октября добровольцем поступил на службу в Яновский волостной военкомат Суздальского района. Вскоре Блохин сделал свой политический выбор — в апреле 1921 года вступил в коммунистическую партию и тут же, 25 мая был назначен в 62-й батальон войск ВЧК в Ставрополе.

Теперь развивается его чекистская карьера. С 24 ноября 1921 года он — помощник командира в отряде особого назначения при Коллегии ВЧК, с 5 мая 1922 года — командир там же, с 16 июля 1924 года — помощник командира 61-й дивизии особого назначения при Коллегии ОГПУ. 22 августа 1924 года Блохин выдвигается на должность комиссара особых поручений Спецотделения при Коллегии ОГПУ. Теперь, помимо прочего, в его обязанности входит и приведение расстрельных приговоров в исполнение. И действительно, с весны 1925-го подпись Блохина регулярно встречается под расстрельными актами. Может быть, он и дальше был бы всего лишь одним из рядовых расстрельщиков, но внезапно открылась высокая вакансия. 3 марта 1926 года Блохин был назначен временно исполняющим должность коменданта ОГПУ (вместо отсутствующего К.И. Вейса). А уже 1 июня 1926 года Блохина утвердили в этой должности.

Действовавшая под руководством Блохина расстрельная команда, или «спецгруппа», как её называли в документах, формиро-

вано, до срока, или сходили с ума. Многие уволились на пенсию, получив инвалидность по причине шизофрении или нервно-психической болезни.

Репрессии не обошли и самих расстрельщиков. Часть из них попала в руки Блохина — были доставлены в расстрельное помещение уже в качестве жертвы.

Особо нервировали палачей отдельные приговорённые, которые в момент расстрела славил Сталина. Возглавлявший группу расстрельщиков, приведших в исполнение решения «тройки» УНКВД Московской области в 1937—1938 годах, Исай Берг, будучи арестованным, показал, что он получил от начальства строгое указание «не допускать таких явлений в дальнейшем» и среди работников спецгруппы НКВД «поднимать настроение, стараться доказать им, что люди, которых они стреляют, — враги».

Берг прославился тем, что при его непосредственном участии в московском НКВД была создана машина «душегубка», в которой приговорённые умерщвлялись выхлопным газом. Отчасти это берегло нервы московским палачам. Загрузили в Таганской или Бутырской тюрьмах живых — в Бутове выгрузили мёртвых, и вся работа. И никаких славословий Сталину.

В 1937—1938 годах Блохин участвовал в самых громких расстрелах. Он командовал расстрелом маршала Тухачевского и высокопоставленных военных, приговорённых вместе с ним. При расстреле присутствовали прокурор СССР Вышинский, председатель Военной коллегии Вер-

не менее запоминающаяся сцена разыгралась, когда в марте 1938-го приводили в исполнение приговор по делу Бухарина, Рыкова, Ягоды и других осуждённых на показательном «Процессе правотроцкистского блока». Ягodu расстреливали последним, а до этого его и Бухарина посадили на стулья и заставили смотреть, как приводится в исполнение приговор в отношении других осуждённых. Ежов присутствовал и, вероятнее всего, был автором подобной изошрённой затеи.

Удивительно, скольких своих бывших коллег, да и начальников, которым он раньше глядел в рот, расстрелял Блохин. Близость к разоблачённому руководству НКВД могла стоить и ему самому жизни, но Сталин ценил надёжных «исполнителей», и его почему-то не пугало, что они, привыкшие стрелять в затылок, постоянно маячат у него за спиной в качестве охраны.

В начале 1939-го, когда Берия всю чистил НКВД от ежовских кадров, поступил материал о том, что комендант Блохин был слишком близок к бывшему секретарю НКВД Буланову, да и к самому расстрелянному наркому Ягоде. Тогда это рассматривалось как доказательство участия в их «заговорщических планах». Берия, подготовив постановление на арест Блохина, отправился к Сталину за санкцией. Однако, к своему удивлению, получил отказ. В 1953-м Берия показал на следствии: «Со мной И.В. Сталин не согласился, заявив, что таких людей сажать не надо, они выполняют черновую работу».

СЛУЖБА

ВАМ ПОМОГАЮТ АЛЬТЕРНАТИВЩИКИ

В ваш почтовый ящик приходят газеты и письма, а если вы — пенсионер, то раз в месяц почтальон приносит на дом пенсию. Возможно, эту обязанность с некоторых пор выполняет не привычная вам тётушка преклонного возраста, а молодой человек...

Возможно, вы даже удивляетесь: что это он вдруг взялся за такую работу, на которой, как вы слышали от знакомой почтальонши, в месяц платят чуть больше восьми тысяч рублей? Мог бы ведь найти что-нибудь получше, перспективнее!

Да, конечно, мог бы, если бы этот юноша был обычным вольнонаёмным работником, а не альтернативнослужащим, то есть тем, кто вместо военной службы по призыву проходит альтернативную гражданскую службу (сокращённо — АГС). В данный момент он, гражданин призывного возраста (от 18 до 27 лет), выбирает не где и кем работать, а как служить: с оружием или без оружия в руках. И он выбирает второе, поскольку военная служба противоречит его убеждениям или верованиям.

Возможно, он увлекается пацифистскими идеями великого русского классика Льва Николаевича Толстого или твёрдо следует христианским миролюбивым заповедям. Как же он может взять в руки оружие и учиться убивать? Нет, он готов пойти хоть на самую непростую работу (часто альтернативщиков даже с высшим образованием направляют работать дворниками или санитарами в больницы, дома престарелых или инвалидов), лишь бы минула его чаша сия — выполнять приказы воен-

ных командиров. И не страшно для них, что АГС длится не один год, как военная служба, а двадцать один месяц: ведь этот срок пройдёт не в солдатской казарме, а под крышей родного дома или в общежитии, которое ему будет обязан предоставить работодатель.

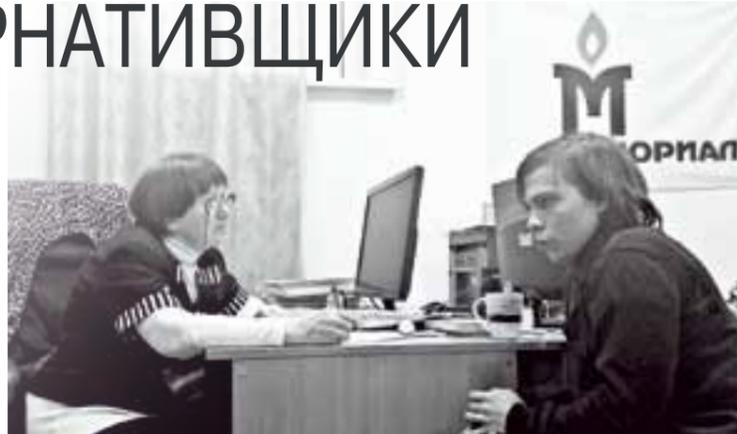
С 2002 года российское законодательство дало гражданам право на замену военной службы альтернативной гражданской. Пермский «Мемориал» приложил немало сил к тому, чтобы Государственная дума РФ приняла Федеральный закон «Об альтернативной гражданской службе». Дабы подтолкнуть думцев к такому решению, наша организация в 1998 — 2001 годах одной из первых в стране проводила эксперименты по отработке российской модели АГС. На их основе и был написан проект федерального закона.

Закон-то право предоставил, да вот местные чиновники в погонах — сотрудники военных комиссариатов — и члены призывных комиссий далеко не всегда его выполняют, чиня молодым людям препятствия на пути к АГС. Если ребята, чьи права нарушаются, обращаются в общественную правозащитную приёмную Пермского «Мемориала», действующую аж с 1997 года, то здесь им обязательно помогут: расскажут, как правильно написать заявление на АГС, когда отнести его в военкомат, чтобы уложиться в обозначенный законом срок, что делать, если призывная комиссия отказалась удовлетворить просьбу о замене военной службы на альтернативную. Если потребуется, сотрудники общественной приёмной помогут написать исковое заявление в суд для оспаривания неправильного реше-

ния призывной комиссии и сами будут участвовать в заседании гражданской инстанции суда как представители претендента на АГС. И всё это совершенно бесплатно, ведь мы — благотворительная организация.

И вот что важно: деятельность Пермского «Мемориала», связанная с защитой прав молодёжи призывного возраста, полностью соответствует его уставным задачам. Да, в Уставе нашей организации записано, что одним из направлений её работы является содействие развитию гражданского и правового самосознания граждан, воспитание молодого поколения в духе правового государства. Мы не просто защищаем права юношей призывного возраста, но и ведём их правовое просвещение, содействуем развитию их гражданского и правового самосознания.

Идея продвижения альтернативной гражданской службы в России пришла к руководителям пермского «Мемориала» тогда, когда при создании Мемориального музея истории политических репрессий «Пермь-36» мы организовали на его базе в 1995 году первый летний волонтерский лагерь. Среди волонтеров был юноша из Германии Тим Бозе. Он рассказал, что в их стране каждый молодой человек после окончания школы может выбрать, как ему служить: с оружием в руках или на гражданской службе. Через год Тим приехал в Пермский «Мемориал» проходить свою гражданскую службу. Ухаживал на дому за одинокими бабушками и дедушками — жертвами политических репрессий, и такие установились между ними нежные, почти родственные отношения, что даже много лет спустя

Ирина Кизилова консультирует призывника

пермские бабушки и дедушки с огромной теплотой вспоминали этого немецкого, плохо говорящего по-русски парня.

Глядя на Тима, стали ухаживать за одинокими бабушками и дедушками и пермские волонтеры. Так родилась в нашем «Мемориале» волонтерская социальная служба, действующая по сей день. Молодые люди из этой службы ухаживают за одинокими престарелыми людьми — жертвами политических репрессий, моют окна в их квартирах во время весенней и осенней акций «Чистые окна». Из членов волонтерской социальной службы «Мемориала» появились в Перми первые претенденты на АГС. Участие в волонтерской социальной службе «Мемориала» помогает им подготовиться к совсем непростой альтернативной гражданской службе.

В 2016 году пермский «Мемориал», работая по проекту «Право на альтернативу», поддержанному «президентским» грантом, проконсультировал бесплатно десятки молодых людей призывного возраста со всего Пермского края; провёл множество информационно-просветительских встреч с учащимися различных учебных заведений;

организовал в Перми межрегиональный форум альтернативнослужащих и претендентов на АГС; издал буклет и брошюру для учителей о том, как информировать учеников о их праве на выбор пути служения обществу — с оружием в руках или на альтернативной гражданской службе.

Работа по проекту «Право на альтернативу» продолжается и в этом году, причём не только в Пермском крае, но и в городах Свердловской и Кировской областей, в Республике Марий Эл, Татарстан и Чувашия. Там работают координаторы нашего проекта и созданы условия для бесплатного консультирования молодых людей призывного возраста. А это значит, что молодых людей, работающих в больницах, домах престарелых и инвалидов, на почте и других местах, где сегодня остро ощущается дефицит рабочих рук, станет больше.

Ирина Кизилова,
член правления

Пермского краевого отделения
Международного общества
«Мемориал», руководитель
общественной правозащитной
приёмной

Фото Дмитрия Окунцева

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

«КТО-ТО ЖЕ ДОЛЖЕН...»

Восстановить биографию репрессированного родственника

«Наконец-то нашла документы о судьбе моего прадеда», — говорит библиотечкарь из Очёра Галина Кокорина. В начале февраля в Пермском госархиве новейшей истории ей выдали дело прадедушки — Михаила Козьмина. Выяснилось, например, что родственника не расстреляли сразу после ареста в 1937-ом, а сослали. Он умер через несколько лет в лагере под Свердловском. В семье об этом поговаривали, но подтверждений до сих пор не было.

Галина Кокорина

В прошлом году Пермский «Мемориал» привёз в очёрскую библиотеку, где работает Галина, передвижную выставку «Не забудьте нас!» Она всегда увлекалась семейной историей...

— Раньше я жила не в Пермском крае, — рассказывает Галина Кокорина. — Некоторое время назад переехала сюда. В наследство от прадеда мне досталась икона, кроме того, нашла его фотографию. Это его единственный снимок, и сейчас он всегда со мной. Я знала, что его обвинили в антисоветской агитации, но подробностей у меня не было. Представители «Мемориала» подсказали, как и где их найти.

Приговорили к расстрелу, но не расстреляли

В архиве в Перми ей дали папку в шестьдесят страниц с протоколами допросов самого обвиняемого и свидетелей. Михаил Козьмин служил священником в церкви в Култаево. Судя по всему, на него донесли, причём сделал это другой служитель той же церкви.

— У доносчика была жена на сносях, — рассказывает Гали-

на. — Об этом тоже говорится в материалах. Поэтому, возможно, его легко было заставить дать нужные показания. Он сказал, что мой прадед вёл антисоветскую пропаганду, был агентом Колчака, организовал пожар, в котором погибли двадцать лошадей...

Одна из дочерей прадеда, по рассказу жительницы Очёра, в конце 1950-х годов приехала к доносчику. Тот напрочь отказался разговаривать: не пустил её на порог.

— Люди, с которыми она смогла пообщаться в Култаево, хорошо отзывались о прадеде, — продолжает женщина. — Говорили, что сам мог не доедать, но соседям всегда помогал.

Козьмина приговорили к расстрелу, но почему не привели приговор в исполнение, неизвестно.

В учебниках о репрессиях пишут мало

Выставка «Не забудьте нас!», с которой всё началось, не сразу уехала из Очёра. Галина сама проводила по ней небольшие экскурсии.

Семья Михаила Козьмина

— По лицам школьников принимала, что о многом они слышат впервые, — вспоминает она. — Да и учительница, с которой пришли ребята, говорила, что подобные материалы раньше ей не попадались. В учебниках о репрессиях рассказывают скудно. Надеюсь, выставка хоть что-то изменила. Общаясь с представителями общества «Мемориал», женщина начала помогать Ангелине Бушуевой — дочери арестованного в 1937-ом году Владимира Бушуева. Тогда он жил в Перми, но родился в Очёре.

— Я недавно приезжала в Пермь, в архив, заходила в гости к Ангелине Владимировне, — говорит библиотечкарь. — Возможно, мне наконец-

то удастся найти дом в Очёре, в котором жил её отец, и я очень рада была с ней познакомиться.

В планах у Галины — завершить поиски очёрского дома Бушуевых. Ещё — приехать летом в Култаево, чтобы сходить в церковь, в которой служил её прадед. Женщина надеется, что там сохранились фотографии прадеда.

— Родственники удивляются, сколько я уже о нём узнала, — говорит Галина. — Но надо ведь разобраться в том, что произошло, рассказать историю следующим поколениям. Кто-то же должен это сделать.

Михаил Данилович
Фото Ивана Васильева